

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.28>

Шиженский Роман Витальевич, Жбанников Сергей Викторович

ВОЛХОВСКОЙ ПОСОХ - ЭЛЕМЕНТ САКРАЛЬНОЙ АТРИБУТИКИ РУССКОГО ЯЗЫЧЕСТВА XXI ВЕКА

На основе нарративных источников, материалов интервью в статье рассматриваются характерные черты посоха как примера сакральной атрибутики современного русского язычества. Исследование специфических особенностей ритуального предмета служителей культа позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, мифологема посоха иллюстрирует ассоциативный ряд: посох - мировое древо, наличие обязательной "личной" связи между владельцем и предметом. Во-вторых, изготовление и использование посоха связаны с рядом "канонических предписаний", направленных на сакрализацию и табуирование изделия. В-третьих, современное "родноверческое" прочтение посоха вписывается в общую систему языческого "новояза" и характеризуется комплексом дискурсов ремифологизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 136-139. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия религии и религиоведение

Philosophy of Religion and Religious Studies

УДК 1; 008+299.572(470)

Дата поступления рукописи: 13.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.28>

На основе нарративных источников, материалов интервью в статье рассматриваются характерные черты посоха как примера сакральной атрибутики современного русского язычества. Исследование специфических особенностей ритуального предмета служителей культа позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, мифологема посоха иллюстрирует ассоциативный ряд: посох – мировое древо, наличие обязательной «личной» связи между владельцем и предметом. Во-вторых, изготовление и использование посоха связаны с рядом «канонических предписаний», направленных на сакрализацию и табуирование изделия. В-третьих, современное «родноверческое» прочтение посоха вписывается в общую систему языческого «новояза» и характеризуется комплексом дискурсов ремифологизации.

Ключевые слова и фразы: русское язычество XXI века; новые религиозные движения; посох; волхвы; сакральный атрибут; обряд.

Шиженский Роман Витальевич, к.и.н., доцент

Жбанников Сергей Викторович

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

heit@inbox.ru; sergeizhbannikov@mail.ru

ВОЛХОВСКОЙ ПОСОХ – ЭЛЕМЕНТ САКРАЛЬНОЙ АТРИБУТИКИ РУССКОГО ЯЗЫЧЕСТВА XXI ВЕКА

В современных реалиях религиозного пространства Российской Федерации феномен русского языческого мировоззрения функционирует, основываясь на «симфонии рудиментов», весьма условно объединённых в нарративный и вещественный блоки. Следует отметить, что синергия текста (славления божества, языческой проповеди) и предмета (оберега, чура-идола) – характерная особенность российского «родноверия», фиксируемая с момента генезиса данного варианта новой религиозности. Если листовки-агитки, самиздатовские «волховники», монографические проекты идеологов нативизма в массе своей выполняли и выполняют функцию информационного, просветительского рупора, то предметное поле «визуального язычества», кроме безусловной пропагандистской работы с культовой средой, нацелено, во-первых, на постоянную актуализацию диаспоральных претензий движения (ингруппы); во-вторых, на признание уже внутри общины иерархического (кастового) деления; в-третьих, на подтверждение историчности, аутентичности и самой религиозной составляющей рассматриваемого явления. Достижение перечисленного осуществляется через индустрию этнического татуажа, специализированную брендовую одежду, широко представленный рынок бережной продукции [19], наконец, непосредственно через создание и распространение «обрядовой элитарки» – предметов культа.

Актуальность исследования. Учитывая стратегическое положение визуального компонента в современном язычестве, по нашему мнению, компонента центрального, отдельного внимания заслуживает рассмотрение элементов обрядового волховского (жреческого) костюма, в частности, посоха.

Научная новизна исследования. В отличие от иных атрибутов, сопровождающих «младоязыческую» религиозную практику: бубна, «традиционной» одежды служителей культа – практическое и символически-мифологическое назначение посоха волхов XXI века не получило должного освещения как в исследовательской среде, так и в сообществе исследуемых – носителей родноверческой традиции. Вместе с тем данный предмет и его аналоги (скипетр, жезл) широко представлены в реалиях исторического прошлого. Посох – неизменный атрибут религиозной и светской власти в традициях народов мира [14-16; 20, с. 44-45].

Цель исследования заключается в определении места посоха в «теологии» современного русского язычества XXI века.

Наиболее ранними произведениями (единственными опубликованными в настоящее время) являются глава «Довершение: о посохе» «Толковника обрядного жреца Родомира» (2004 г.) и текст «О посохе волховском слово малое» (2008 г.) И. Г. Черкасова – волхва Велеслава, одного из руководителя содружества общин

«Велесов круг». Кроме того, информация о посохе содержится в путевых заметках Велеслава «Солнце героев», записанных волхвом во время путешествия по острову Рюген в 2013 году.

«Довершение» Родомира интересно рядом выдвигаемых (легитимизованных) положений. Жрец указывает на символические значения посоха, считая данный предмет образом мирового древа, незримого столпа силы, символом пути и духовной мощи волхвов. Текст содержит также практическую «табу-рекомендацию» жреческо-волховскому сообществу (автор подчёркивает право обеих категорий служителей культа на использование рассматриваемого предмета) по «работе» с посохом: «Пути направлением от Низу до Верху (посему негоже во время обряда посох наземь плашмя класть, но токмо лишь прислонять к чему-либо, – бо Ост Мирового Древа вертикален, но никак уж не горизонтален!)» [2, с. 169]. В рамках «новояза» – идеологического, шире мировоззренческого феномена, ставшего одной из констант современного язычества как образца новой религиозности [18], – Родомир «обогащает» собственную авторскую версию ссылками на этнографический материал: приметам и обычаями, в которых фигурирует искомый предмет. «Слово» Велеслава вносит ряд дополнений к возникающей «лестнице сакрализации» посоха как атрибута теократической группы в движении русских нативистов. Также ассоциируя посох с мировым деревом, волхв перечисляет демиургов, наделивших волшебную трость силой. В роли последних выступают наиболее популярные в «родноверии» божества: Сварог, Перун и Велес – «даровавшие» рассматриваемому предмету мощь творения, силу и мудрость соответственно [2, с. 171]. Велеслав затрагивает ещё один интересный вопрос, связанный с правом владения посохом. По мнению идеолога, инициация – время обретения жезла – связана с решением волхвов и волей богов. В данной связи следует привести фрагмент интервью, взятого Р. В. Шиженским у руководителя сообщества язычников славяно-русской и скандинавской традиций “Svarte Aske” («Черный Ясень») Е. А. Нечкасова. На вопрос автора о возрастных ограничениях, связанных с ритуальным использованием посоха, глава сообщества ответил следующее: «Не могу сослаться на какие-то источники или сакральное обоснование этого возраста, скорее это по наитию, что молодой человек с посохом выглядит немного несуразно. Всё ж, посох – это не только “жезл”, но и “трость” в том числе, поэтому неизбежно связан с семантикой возраста, мудрости, старчества» [10]. Исходя из вышеизложенного, отметим, что инициатические положения, связанные с посохом, в настоящее время находятся в стадии разработки.

Ещё один фрагмент «Слова» посвящён месту служителей культа в языческой общинной иерархии. В «волховской гиперболизации» посоху отведена одна из ведущих ролей. Данный предмет – сосуд, в который помещена одна из двух душ волхва. Находясь на капище, именно через посох-медиатор религиозный лидер общается с потусторонними силами: «...душу свою до Богов возводит, сам Духом до вышних во Прави восхищаясь» [2, с. 173].

Отдельно волхв «Велесова круга» останавливается на составных элементах артефакта, соотнося части посоха с «классическими» частями новоязыческой космогонии: мирами «Яви», «Нави» и «Прави». В соответствии с конструируемой структурой «навершие» посоха (мир «Прави») либо имеет антропоморфную личину, посвящённую конкретному божеству (божествам), либо, согласно новоязу «Велесова круга», вырезается в форме «Гоя» (символ бога Рода, имеющий ярко выраженный фаллический символ) и посвящается «Всебожью». В теогонии содружества общин – «единство родных богов во всебоге Роде, все родные боги в совокупности» [3, с. 385]. «Середина» посоха (мир «Яви») отмечается знаками сил, которые носитель – волхв – «проводит» в настоящий мир. «Низ» («пепельник»), обожжённый в огне, олицетворяет «Пекло» – чертог тёмной Нави. Порода дерева выбирается с учётом божественного патрона. Подчеркивается, что наносимые мистические знаки и сакральные формулы, состоящие из них так называемые «чиры» и «чароставы» должны быть тщательно подобраны и не противоречить друг другу. Резать посох, наносить на него узор Велеслав предлагает непосредственно адепту, исключая возможность заказа изделия.

Заключительный раздел «Слова» посвящён практическому и магическому инструктажу – запретам и правилам «общения» с волховским посохом. К сфере табу относится следующий набор действий: хранение посоха в грязном месте, падение данного предмета на пол, ругань посоха и вообще практика сквернословия при нём. Запрет распространяется и на прикосновение посторонних людей к артефакту. Велеслав также не приемлет составные посохи (со сменным «навершьем»). Пренебрежение перечисленными вето, по мнению автора «Слова», ведёт к потере посохом силы и разрыву духовной связи с хозяином. В свою очередь, к правильным и необходимым наборам действий, направленных на обретение, накопление посохом силы, язычник относит втирание природных масел с заговорами и заклятьями, подвешивание когтей, клыков, оберегов и «усиление» трости «наузами» – предметами, подвешенными на нитках.

Последний нарративный источник – дневник Велеслава, записанный во время путешествия на остров Рюген – одну из общепризнанных святынь «родноверия» [1; 6, с. 26-27], содержит конкретный пример «обретения» посоха. По дороге к мысу Der Königsstuhl («трон королей») Черкасов вырезает обрядовый посох из бука, взятого из реликтового леса национального парка Jasmund: «Обрядовый Посох с ликом Воина в высокой острокопечной шапке-шлеме и с длинной бородой Старца. Так в Посохе соединились Князи и Волхв – Мудрец и Воин» [4, с. 54]. Отметим, что союз воинской и жреческой ветвей при возможных вариациях (волхв-воин, волхв и воин) – одна из мировоззренческих первооснов современного русского язычества. Тексты «младоязычников» первой волны, как и работы их младших «коллег», содержат проекты построения Civitas Solis, управление в котором будет сосредоточено в руках отмеченного дуумвирата. Золотой век славянского прошлого также ассоциируется с господством обладателей «силы и духа» [5, с. 174-175; 6, с. 66-67].

Интервью с И. Г. Черкасовым содержит весьма ценные дополнения, связанные с особенностями «конкретного посоха конкретного волхва». В ходе беседы лидеру «Велесова круга» был задан вопрос о роли искомого

предмета в практике «радения» (экстатической обрядности): «На обряде ведущий – человек, задающий импульс. Он держит посох – мировую ось, остальные настраиваются на него. Пока посох режется, промасливается, прокаливается каждый его сантиметр, происходит определённый психологический настрой на предмет. Ощущение в руке некоего объёма, запомненное на телесном уровне, помогает мне войти в состояние радения. Это некое самоубеждение, но оно реально помогает» [12]. Цель следующих вопросов заключалась в определении уровня восприятия посоха как «живого» мифического персонажа: «Если я вырезаю лик на посохе, то для меня он становится живым существом. В начале это просто палка, ты начинаешь резать и в какой-то момент вкладываешь дух, часть себя в посох. Через определённое время понимаешь, что это отдельное существо. Оно тебе помогает, но это не только и не столько продолжение тебя – это “не Я”. Чем дольше ты им [посохом] пользуешься на разных обрядах, тем заметнее у него формируется некая собственная “личность”. У меня есть несколько посохов и на определённые обряды я хожу с одним посохом, на иные – с другим: выстроилась своеобразная внутренняя градация. Когда я выбираю, с каким посохом идти, выбор отражает мой настрой, мое состояние: “С этим другим ты можешь пойти на футбольный матч, а с этим в консерваторию”. Посох как ось, как символ вертикали может не иметь лика. Тогда это просто символ, выступающий неким резонатором. Но это скорее психологический момент, нежели оккультный» [Там же].

На вопрос «Практикуете ли Вы кормление посоха?» был получен следующий ответ: «Я не практикую, но бывали случаи, когда как такового капища нет, тогда я ставлю посох к дереву или втыкаю его в землю и мы перед ним приносим требу [жертву] образу божества. Формально, это происходит через посох. Я не отрицаю возможности кормления бубна, посоха, но я так не делаю. Они всё же не настолько от меня оторваны, чтобы их кормить как отдельных существ. Иногда, когда я ослаблен, он [посох] помогает мне держать некий энергетический уровень. Когда я за него берусь, я уже знаю, что что-то сделаю. Подчёркиваю, это живое существо скорее продолжение меня, чем полностью самостоятельная, независимая сущность» [Там же].

Для выявления основных значений образа посоха, претендующих на определённую системность в «младоязыческих» кругах, приведём изыскания ещё одного представителя данного мировоззрения – верховоды «Сообщества восточнославянской народной природной веры “Волжский Рубеж”» (дата основания: 05.03.2017) Вада Петровича Кручины. В унисон представлениям Велеслава о связи посоха и владельца, верховода языческого сообщества считает рассматриваемый волховской атрибут источником силы, «предметом, олицетворяющим собственное Я» [7]. Также сакрализована и история обретения материала для изготовления посоха. Как сообщает источник, в 2011 году, находясь в поездке по реке Илеть, лидер «Волжского рубежа» отделил верхушку от столетнего дуба, поваленного бурей. Священный для индоевропейской традиции дуб – «дар природы», магия реки, устье которой берёт начало в республике «последних язычников Европы» – Мари, безусловно, придают магическую весомость изделию. Респондент, как и в предыдущем описании, подчёркивает факт авторской работы: собственного вклада (как резчика) в «становление посоха», табуацию, распространённую на прикосновении к посоху посторонних: «не самых близких людей» и т.д. В отличие от Велеслава, Вад уделяет особое внимание мифологической трактовке нанесённым на жреческий атрибут граффити [9]. В интернет-тексте язычника в качестве магической субстанции, связанной с посохом, фигурирует кровь. О смысловом наполнении втирания крови в предмет силы сообщает и представитель нижегородского новоязыческого микромира, старейшина сообщества «Алатырь духа» Вуковой (Е. В. Васильев). По мнению нативиста, с помощью «кормления кровью», окрашивания «чиров» (знаков) богов, инструмент активизируется, владелец подтверждает свою связь с посохом [8]¹.

В заключение краткого обзора хотелось бы обратить внимание ещё на одну особенность современного русского языческого мировоззрения. Речь идёт о важнейшей характеристике «новояза» (см. выше) – ремифологизации сакрального атрибута. Зачастую обладатель сценарирует сюжетную линию, связанную с обречением, «самостоятельной жизнью», комплексом чудес волшебного посоха. К примеру, в «Северном дневнике» волхв Велеслав сравнивает намершие своего посоха с очертаниями мыса Арконы (языческого религиозного центра балтийских руян) [4, с. 93]. Магия данного волховского атрибута с обрядово-праздничных мероприятий, страници специализированной литературы «для своих» переходит в иной жанр сегодняшней языческой литературы – «былички». Возможно, именно десакрализация посоха, введение его в шуточный мир и официализирует предмет. Позволяет говорить о посохе как о символе «устоявшемся», признанном, а соответственно, имеющем право в обыденности быть рассмотренным с игровых позиций. Чертами трикстера, спорящего с волхвом в шуточном диалоге, наделяет посох Богумил Мурин – автор «побрежушек». Вместе с тем даже в анекдотической форме посох «магически-значен». Он разговаривает с хозяином, как старший, учит молодого волхва житейской мудрости [13, с. 138-141].

Констатируя отсутствие единых канонов в современном русском языческом социуме, положения, поддерживаемого нативистами, в том числе сознательно, следует обратить внимание на тот факт, что определённый процент искателей доавраамической религиозности не разделяет мнение единомышленников о статусности рассматриваемого «предмета силы». Так, Темногор – один из основателей неотрадиционного братства «Круг Ящера» [17] – ссылается на искусственность конструируемой мифологии посоха: «Раньше посох был атрибутом старца-волхва. Смысл его был в том, чтобы старик не падал при ходьбе. Теперь это “слизали” с образа мудреца, чтобы подчеркнуть свой статус, ну и добавили эффекты волшебной палочки, а-ля Гарри Поттер,

¹ Следует отметить, что антропоморфные и зооморфные изображения на посохе наиболее популярны в жреческо-волховском сообществе. В вырезаемом в настоящее время цельном дубовом посохе Вуковая сверху представлены «лики» Велеса и Мары, снизу изображено одно главных божеств сообщества – Ящер.

по-старорусски. В современном мире, большинство язычников использует магические атрибуты, чтобы бездумно покрутиться и не более. Поэтому я максимально урезаю в своём деле все эти модные вещицы» [11].

Таким образом, анализ приведённого материала позволяет сделать ряд **выводов**. Во-первых, в диаспоральной группе современных русских язычников отсутствует единое мнение по признанию/отрицанию посоха как сакрального атрибута. Во-вторых, сторона “рго” представлена руководителями, религиозными лидерами движения: волхвами, жрецами, верховодами и т.п. В-третьих, мифологема посоха отражает ассоциативный ряд: посох – мировое древо, наличие обязательной «личной» связи между владельцем и предметом. В-четвёртых, изготовление и использование посоха связаны с рядом «канонических предписаний». К такому следует отнести: авторское обретение материала и собственную работу, направленную на сакрализацию изделия (резьба, натирание маслом, кровью) и соблюдение табу (сохранение целостности предмета, запрет на использование посоха иными лицами, кроме владельца и др.). В-пятых, современное «родноверческое» прочтение посоха вписывается в общую систему языческого «новояза» и характеризуется комплексом дискурсов ремифологизации. Наконец, в-шестых, синкретическое восприятие, соединение в смысловом наполнении современного волховского посоха нескольких традиционных «версий» священного предмета. Посох – сосуд для души славянского жреца, вертикаль его путешествий по мирам, живое, «подпитываемое» существо – в рамках традиции шаманизма; символ светско-теократической власти – аналог древнеримских инсигний (lituus) и русских царских, архиерейских регалий (скипетр, посох).

Список источников

1. **Битцевское обращение** [Электронный ресурс]. URL: <http://books.pagan.ru/article/bitcevsckoe-obrashhenie> (дата обращения: 30.11.2018).
2. **Велеслав, волхв**. Книга Велесовых радений (духовные практики и обряды Русско-Славянского Родноверия). М.: Велигор, 2008. 944 с.
3. **Велеслав, волхв**. Основы родноверия. Обрядник. Кологод. СПб.: Ведическое наследие, 2010. 437 с.
4. **Велеслав, волхв**. Солнце Героев (Северный дневник). М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 296 с.
5. **Велимир, волхв**. Книга природной веры. М.: Велигор, 2009. 591 с.
6. **Доброслав**. Зов Туле. Б.м.: Хлыновский экспресс, 2006. 83 с.
7. **Кручина В.** Пара слов о посохе [Электронный ресурс] // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=32SG_EN6wDQ (дата обращения: 02.12.2018).
8. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Интервью с Васильевым Е. В. 03.12.2018.
9. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Интервью с Кручиной В. П. 03.12.2018.
10. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Интервью с Нечкасовым Е. А. 27.11.2018.
11. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Интервью с Темногором А. В. 29.11.2018.
12. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Интервью с Черкасовым И. Г. (Велеславом). 24.12.2016.
13. **Мурин Б.** Побрехушки. Книга первая: в 2-х ч. Обнинск: Оптима-Пресс, 2006. Ч. I. 226 с.
14. **Нам Е. В.** «Прочтение» символических значений «шаманского» посоха в контексте индоевропейских ритуальных традиций // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 20. С. 205-212.
15. **Пчелов Е. В.** Посох, скипетр, жезл: из истории регалий Московского царства // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2012. № 21 (101). С. 159-173.
16. **Сергеева А. Ю.** Символ и власть в Республике Танзания: функция жезла Отца Нации в борьбе за президентский пост // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 4. С. 91-104.
17. **Темногор**. Что такое «Неотрадиция» [Электронный ресурс]. URL: <https://altay-magia.ru/chto-takoe-neotraditsiya> (дата обращения: 30.11.2018).
18. **Шиженский Р. В.** Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. 2017. № 11. С. 25-33.
19. **Шиженский Р. В., Суругина Е. С.** «Родноверческий оберег»: погружение в языческую традицию XXI века // Научное мнение. 2017. № 12. С. 10-14.
20. **Яровая М. В.** Инсигнии и регалии власти в Древнем Риме // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 2. С. 41-50.

SORCERER'S STAFF AS AN ELEMENT OF SACRAL PARAPHERNALIA OF THE RUSSIAN PAGANISM OF THE XXI CENTURY

Shizhenskii Roman Vital'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
 Zhbannikov Sergei Viktorovich
 Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
 heit@inbox.ru; sergeizhbannikov@mail.ru

The article deals with the characteristic features of a staff as an example of sacral paraphernalia of the modern Russian paganism on the basis of narrative sources and interview materials. The research of the specific peculiarities of the ritual object of the ministers of religion allows drawing several conclusions. Firstly, the mythologeme of a staff is illustrated by the associative series: staff is a world tree, presence of mandatory “personal” connection between the owner and the subject. Secondly, the manufacture and use of a staff is associated with a number of “canonical prescriptions” aimed at the item sacralization and tabooing. Thirdly, the modern interpretation of a staff by “Slavic native faith” fits into the general system of the pagan “newspeak” and is characterised by a complex of re-mythologization discourses.

Key words and phrases: Russian paganism of the XXI century; new religious movements; staff; sorcerers; sacral attribute; rite.